

УДК 811.161.1'373.611:81'27

АКТИВНЫЕ ДЕРИВАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В РУССКИХ ГОВОРАХ В ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНОМ АСПЕКТЕ

Попова Т.Н.

Казанский государственный университет (филиал в г. Набережные Челны),
г. Набережные Челны, Россия

Статья посвящена обзору основных процессов русского именного словообразования в коммуникативном аспекте. Предпринимается попытка функционально-стилистического анализа суффиксальных и конфиксальных моделей в результате воздействия собственно лингвистических и экстралингвистических факторов. Рассматривается вопрос о влиянии церковнославянской языковой стихии на ход диалектных словообразовательных процессов.

Ключевые слова: русское именное словообразование, диалектное словообразование, суффиксация, конфикация

Постановка проблемы. Задаваясь целью проследить основные словообразовательные тенденции в русском диалектном словопроизводстве не только в собственно деривационном, но и функционально-коммуникативном аспекте, мы должны, прежде всего, определить соотношение диалектов и литературного языка в системе общенародного языка. Подобная необходимость вызвана тем, что «развитие всех сторон языковой системы говоров определяется в настоящее время влиянием литературного языка, взаимоотношением с ним» [2, с. 8]. Следовательно, неоспоримо и воздействие на деривационную систему диалектов, случаи распространения и укрепления в говорах исконно литературных, книжных словообразовательных моделей. Р.И. Аванесов указывал: «Литературный язык, несмотря на весь свой сложный состав, уходит всеми корнями в толщу народного языка, создается на почве народного языка и вместе с тем, сформировавшись, он оказывает все более и более мощное воздействие на народный язык, его местные диалекты» [1, с.29].

Процесс коммуникации – всегда процесс двусторонний. Обогащаясь за счет усвоения книжных словообразовательных моделей, говоры начинают, в свою очередь, пополнять лексические ресурсы городского просторечия, а затем и языка литературного. Вследствие этого нельзя изучать эту историю без учета данных территориальных и социальных вариантов языка в их взаимосвязи и взаимовлиянии с литературным языком. Этот процесс В.В. Колесов называет «диалектно-литературным двуязычием». Языковое контактирование на протяжении национального этапа развития русского языка происходило весьма интенсивно: наблюдается влияние литературного языка на говоры в лексике, морфологии, словообразовании. В результате четко определяются основные деривационные процессы в именном диалектном словопроизводстве – суффиксация и конфикация.

Характерно при этом, что противостояние литературного языка и диалектов проявляет себя по-разному: в области лексики, например, влияние диалектов слабее, в то время как в области словообразования давление литературного языка проявляется, в частности, в активизации суффиксальных моделей на *-ние*, *-ение*, *-ость*, *-ство*, *-стве*, *-тель*, *-изна* и конфиксальных моделей со славяно-книжными пре- и постпозитивными элементами, которые в литературном языке маркируются как славяно-книжные, следовательно, таковых не должно быть в диалектном словопроизводстве, ибо, как общепринято считать, диалекты наименее подверглись влиянию церковнославянской языковой стихии.

Распространению этих моделей способствовали, в первую очередь, собственно лингвистические факторы, а именно «подравнивание под существующие словообразовательные типы» (В.А. Богородицкий). Необходимо учитывать, что диалекты являются своеобразной консервацией древних языковых единиц, способствуя их сохранению в составе национального языка. "Развиваясь в прошлом более или менее обособленно друг от друга, они, с одной стороны, нередко сохраняют различные архаизмы, давно утратившиеся в литературном языке; с другой стороны, переживают большое количество новообразований, не проникающих в литературный язык в силу большого влияния на него традиции" [1, с.15]. В результате среди диалектных дериватов мы находим производные, отсутствующие в современном литературном языке, но бытовавшие в древнерусском как общеупотребительные, ср.: *добродетель* (др.-рус. *добродѣтель*) – 'благодетель'; *говенье* (др.-рус. *говѣние*) – 'время поста'; *гладость* (др.-рус. *гладость*) – 'полнота, хорошая упитанность'; *воиство* (др.-рус. *воиство*) – 'воинство, войско' и др. Часты случаи семантизации исконного значения, ср.: *бодрость* – 'нарядность, щегольство' (др.-рус. *въдрость* – 'бодрость'); *галенье* – 'смех, насмешка; неприличный смех' (др.-рус. *галение* – 'ликование'); *вручение* – 'один из моментов свадебного обряда' (др.-рус. *въручение* – 'управление; намерение, дело') и др. Самыми любопытными представляются собственно диалектные производные, возникшие по устоявшимся моделям от древнерусских основ, ср.: *выпустошение* – 'опустошение' (из др.-рус. *выпоустошити* – 'опустошить'); *болезность* – 'болезненность, болезни, заболеваемость' (из др.-рус. *болѣзнь* – 'болезнь'); *болность* – 'боль, ощущение, чувство боли' (из др.-рус. *боль* – 'боль, болезнь') и др. Объяснить данные факты можно тем, что указанные словообразовательные средства уже достаточно плотно вошли в диалектное словопроизводство, адаптировались в нем и оказались способны с течением времени (а особенно продуктивно – с XVIII века) выстраивать словообразовательные модели в пределах говоров.

Конфиксальные образования, представленные в СРНГ, позволяют характеризовать данный способ словообразования как органичный для носителей диалекта. Интересны модели со славяно-книжными элементами в составе конфикса, т.е. структуры с начальным *без-*, *меж/между-*, *пре/пере-*, *пред/перед-*, *вз/воз-*, *из-* и постпозитивными *-ство*, *-ость*, *-ье*. Так, например, СРНГ фиксирует около 40 конфиксальных единиц с начальным *без-*, отражающих основные пути конфиксации в литературном языке. Это имена, мотивированные существительными, образованные по модели *без...ье*: *безбабье* 'отсутствие или недостаток женщин'; *безвременье/ безвременье* – 'несчастье, беда (*безвременный* -- несчастливый)'; *безголове* – 'отсутствие головы, руководителя; глупое поведение' и др. По модели *без...ство*: *безотцовство*, *безотчество* – 'сиротство; жизнь без отца'; *без...ость*: *безызыянность* – 'отсутствие изыяна', *бескормность* – 'отсутствие

корма'. В большом количестве представлены имена на *без...ица, без...ина*: *безбедница* – 'отсутствие беды, материальная обеспеченность, достаток', *безвременница* – 'непогода', *безголосица* – 'человек, потерявший голос'; *безгрозица* – 'распущенность, безнаказанность, своеволие, отсутствие страха'. Как и в древнерусском языке, в говорах встречаются синонимичные существительные, образованные по модели *без...ье* и *без...ость, без...ство*: *безугомонство/безугомонье* – 'беспокойство', *бездурость/бездурье* – 'блажь, дурь'.

Тремя вариантами начального элемента представлены образования с начальным славяно-книжным *между-...*, исконно русским *меж-* (*межу-, меж-*...), восточнославянским *межи-...* (ср., например, укр. *межи-...*). Слова с начальным славянским *между-...* – это имена отвлеченные, образованные при помощи модели *между...ье*; явно заимствованной из книжного языка, ср.: *междувитье* – 'еда в промежутке между обедом и ужином' (← *вить* – 'количество пищи, съедаемое кем-либо за один раз'), *междулесье* – 'мелкий лесок, соединяющий два больших массива леса, опушка' и др. Значительно больше образований с начальным русским препозитивным элементом *меж-...*, *межу...*, обозначающих наименования бытового плана, ср.: модель *меж...ье*: *межбровье* – 'место между бровями', *межглазье* – 'место между глазами', *межгованье (межговенье)* – 'пост, промежуток времени между постами'. Модель, где в составе конфикса представлены русский и славяно-книжный элементы *межу...ье*, ср.: *межугалье* – 'перерыв во время работы'; *межугрядье* – 'борозды между грядками'. С исконно русскими составляющими *межу...ё, межу...ок, межу...ин(а), межу...ица, межу...ище*, ср.: *межувал* – 'пространство между гребнями волн; ветер, дующий сбоку'; *межугалок* – 'свободное пространство между чем-либо; промежуток времени' (Твер. 1887, Новг. 1893) (← *гал* – 'голое место, лишенное растительности, пустое'); *межудешина* – 'редко засеянный промежуток, пространство между двумя проходами севца' (Ленингр. 1933); *межуперстница* – 'нагноение между пальцами' (Иркут); *межуусобище* – 'межуусобица' (Арх. 1885).

Довольно активен и общевосточнославянский препозитивный элемент *межи...*: конфиксы *межи...ок, межи...ё, межи...ье, межи...ка, межи...ица* – с преобладающим *межи...ье*, ср.: *межигалок, межигрядок, межигор, межигрядье, межигорье, меживитье, межипарье, межиполосье, межигрядка, межидворка, межипирница*. Возникновение конфиксальных синонимов *межигрядок, межигрядка, межигрядье* в пределах одной группы говоров (Пск., Твер. 1852-55), полагаем, также говорит об освоённости и органичности данного способа словопроизводства в диалектах.

Подобная активность конфиксальных структур, в составе которых свободно сочетаются славяно-книжные и исконно русские элементы, наглядно иллюстрирует, на наш взгляд, интенсивность их усвоения в процессе коммуникации, быструю адаптацию и стирание стилистических помет.

Однако, с функционально-коммуникативной точки зрения, наиболее действенными оказались экстралингвистические факторы. Распространение книжных моделей могло происходить под влиянием древних и старинных книг, известных носителям разных, особенно северно-великорусских говоров; под «влиянием книг и литературы вообще на язык образованного народа» (И.А. Бодуэн де Куртенэ). Употребление в разговорной (и диалектной) речи оборотов славянского языка считалось признаком грамотности, учености. Интересно замечание собирателя диалектного материала рукописной картотеки Словарного отдела ИЛИ: «Существительные на *-ице*, свойственные особенно

книжным стилям литературного языка, в говорах имеют место лишь в специфически определенных стилях диалектной речи, а именно их можно услышать в рассказах крестьян о своих болезнях, о посещении врачей и т.п.: *способье, страсенье, иссушенье, чувствие* (Волго-Камье, 1961, Смол. 1890, Арх. 1961)». Значимым оказался и характер школьного образования на Руси и позднее в России. Вплоть до 20-х годов XX века основное население, особенно сельское, обучалось грамоте по церковнославянским книгам, текст их заучивался наизусть. Интерес к чтению этих книг нередко сохранялся у воспитанников церковноприходских школ на протяжении всей их жизни, что отразилось и непосредственно в номинациях, ср.: *старославянство* – ‘церковнославянская грамота’: *Мастерица учидя нас старославянству* (Урал, 1976).

Немаловажную роль сыграла и разговорная речь горожан. По замечанию О.Г. Пороховой, «значительное колебание языковых норм разговорного языка донационального периода способствовало свободному употреблению церковнославянской лексики, что приводило к «секуляризации» церковнославянизмов, конкретно-бытовому их осмыслению», ср.: *сдвиженье* – ‘день 14 сентября – православный праздник Воздвижения Креста Господня, а также время наступления холодов, уборки огородов (Калуж., Арх., Смол. 1914, Сиб. 1968)’ [3, с. 8].

Еще один путь активизации названных моделей связан с религиозной обрядностью. Богослужения в деревнях способствовали как запоминанию канонических сакральных текстов, так и употреблению в обиходной речи большого количества религиозных терминов (ср. возникшие как результат семантического словообразования производные: *божество* – ‘иконы, образа’; *воскресенье* – ‘праздник’, *сретенье / стретенье / стритеньё* – ‘церковный праздник’); *святость* – 1) Р. ‘святыни’ (иконы, хоругви и т.п.; 2) ‘монастырь’; *тезоименитство* (с пометой «церковн.») – ‘именины, день ангела, день памяти того святого, чье имя ты носишь’.

Увеличение количества образований к середине XX в. обусловлено расширением коммуникативной сферы в связи с распространением на селе СМИ, более тесным языковым литературно-диалектным контактированием в связи с урбанизацией, ростом престижа высшего образования, повышением общекультурного уровня и т.п. Развитие общественно-политической жизни, перестройка системы культурных отношений способствует расширению круга употребления абстрактной лексики в диалектном языке. Как следствие, становятся продуктивными в диалектной деривации модели с суффиксами абстрактности *-ость, -ство*, ср.: *ерестливость* – ‘горячность, раздражительность’, *владость* – ‘1) сила, 2) власть’; *молебство* – ‘молебен’, *злобство* – ‘враждебность, недоброжелательность, злость’, *гадство* – ‘низость, подлость’; *глупство* – ‘глупость’. Впоследствии имена на *-ство*, уже как *potina actionis*, начинают обозначать действие и устанавливать соотнесенность с глаголом, ср.: *душескребство* – ‘излишне тщательное обдумывание своих поступков, копание в душе’; *зловредство* – ‘действия, поступки во вред другим, приносящие зло другим’; *капризанство* (**капризанить*) – ‘капризы’. Если в литературном языке процесс формирования деривационных моделей для выражения абстракции уже завершен, то в диалектах он еще находится в стадии становления.

Язык во множестве его социолектов является изоморфной системой, все микросистемы переплетаются, и проследить становление и динамику развития основных процессов в функционально-коммуникативном аспекте можно только с учетом разностороннего исследования таковых. Нельзя изучать историю литературного языка без учета данных диалектов, т.к. они, с одной стороны, консервируют древние

тенденции, не эксплицированные в современном литературном языке. С другой стороны, реализуют мощный потенциал основных процессов, ибо, в отличие от литературного языка, языковое сознание носителей говора не ограничено рамками нормы, словообразовательные контакты не замкнуты, оформление многих словообразовательных типов находится еще в стадии становления (тогда как в литературном языке оно уже завершено в выражении таких словообразовательных значений, как *nomina actionis*, *nomina abstracta*, *nomina agentis*, *nomina instrumenti*), в результате чего активизируются те словообразовательные модели, которые в литературном языке уже утратили свою продуктивность. Следовательно, несмотря на то, что в целом деривационная система русских говоров развивается по общерусским законам и тенденциям, она обладает ярко выраженной спецификой как собственно деривационного, так и функционально-стилистического плана, что позволяет выделять диалектное словообразование как самостоятельное направление современной дериватологии.

Список литературы

1. Аванесов Р.И. Очерки русской диалектологии. – М.: Учпедгиз, 1949.
2. Диалектное словообразование. Очерки и материалы. – Томск, 1979.
3. Порохова О.Г. Полногласие и неполногласие в русском литературном языке и народных говорах. – Ленинград: Наука, 1988. – 262 с.
4. Русская диалектология / Под ред. В.В. Колесова. – Москва: Высшая школа, 1998. – 205 с.
5. Сими́на Г.Я. Развитие абстрактной лексики в современных севернорусских говорах // Лексика. Грамматика. Материалы и исследования по русскому языку. Ученые записки №192. – Пермь: Изд-во Пермск. гос. ун-та, 1969. – С.82 - 106.
6. Словарь русских народных говоров. Вып. 1-40. – М.-Л.: Наука, 1965-2006.
7. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т.1-3. М.: Знак, 2003.

Попова Т.М. АКТИВНІ ДЕРИВАЦІЙНІ ПРОЦЕСИ В РОСІЙСЬКИХ ДІАЛЕКТАХ У ФУНКЦІОНАЛЬНО-КОМУНІКАТИВНОМУ АСПЕКТІ

Стаття присвячена огляду головних процесів російського називного словотвору у комунікативному аспекті. Робиться спроба функціонально-стилістичного аналізу суфіксальних та конфіксальних моделей внаслідок впливу особисто лінгвістичних та екстралінгвістичних чинників. Розглядається питання про вплив церковнослов'янської мовної стихії на хід діалектних словотворних процесів.

Ключові слова: російський називний словотвір, діалектний словотвір, суфіксація, конфіксація

Popova T.M. ACTIVE DERIVATION PROCESSES IN RUSSIAN DIALECTS IN FUNCTIONAL-COMMUNICATIVE ASPECT

This article is devoted to the survey of the principal processes of the nominative word-building in the communicative aspect. There was made an attempt of functional-stylistic analysis of suffixal and confixal models in the result of influence of proper linguistic and extra-linguistic factors. The question of Church Slavonic influence on the dialectal word-building processes is also under examination.

Key words: Russian nominative word-building, dialect word-building, suffixation, confixation

Поступила в редакцію 12.02.2007 г.